

Рэцэнзіі

V
OB TISOČLETNICI POKRISTJANJENJA
RUSIJE. Zbirka prispevkov / Zbrala in
uredila Aleksandra Derganc. Ljubljana:
Znanstveni inštitut Filozofske fakultete,
1990. 82 s.

Что он Гекубе или ему Гекуба?

(В. Шекспир. Гамлет. Акт 2)

Три года назад в честь 1000-летия крещения Руси звучали торжественные акты в храмах и университетах, заседали научные симпозиумы, создавались книги, фильмы, телевизионные программы, юбилейные выпуски журналов и газет. Естественно, что эпицентры торжеств находились в тех землях, которые праздновали свое крещение. В соседних ближних и дальних землях и странах о юбилее знали, во многих — его отмечали. То, в какой мере знали и отмечали, зависело не только от близости религий или исторических судеб, но и от широты культурных интересов, разнообразия духовно-интеллектуальных запросов общества, знающего о «чужом» празднике.

В умеренно-католической и умеренно-протестантской и неограниченной нам Словении в столичном Люблянском университете в декабре 1988 г. по инициативе кафедры русистики славянского отделения 1000-летие христианства на Русь было отмечено конференцией; в 1990 г. в свет вышел сборник докладов, о котором и пойдет речь. И конференция, и сборник отнюдь не были тем платежом, которым, по пословице, долг красен. Напротив, наблюдается некоторая асимметрия юбилейных торжеств: когда в 1984 г. Словения праздновала 400-летие своего национально-культурного подъема времен Реформации, то в Москве, Киеве или Минске начало словенского книгопечатания никак не было отмечено (в отличие от Варшавы, где Институт славяноведения провел международную конференцию, посвященную первой словенской грамматике Адама Бохорнча и первому

словенскому переводу Юрнем Далматинном полной Библии). Очевидно, конференция в Любляне в память о крещении Руси отвечала внутренним культурно-познавательным интересам ее организаторов и участников.

Вошедшие в сборник работы теологов, историков, филологов, искусствоведов написаны с тем подлинным профессионализмом, который предполагает знание всех специальных споров и гипотез вне зависимости от языка и места их публикации. С другой стороны, обсуждаемые проблемы так широки и общезначимы, что работы выходят за границы специальной литературы. Это самый ответственный жанр гуманитарных сочинений. По-видимому, он наиболее органичен для теологов: их работы в сборнике написаны на стыке философии, социальной психологии, истории, культурологии.

В историческом обзоре Франца Перко (Белградское архиепископство) «Русское христианство в прошлом и настоящем» интересны некоторые специфически клерикальные акценты и оценки. По мысли автора, православие (в отличие от западного христианства) менее рационалистично, оно сильнее склонно к мистике и особенно мессианизму. В секуляризованном виде православное мессианство было унаследовано русским коммунизмом, считает автор. Вместе с тем Перко полагает, что до недавнего времени русская православная церковь была в СССР единственной организованной оппозицией коммунистической идеологии. Думается, однако, автор преувеличивает и оппозиционность и влияние церкви и недооценивает диссидентское движение, включая Самиздат. В целом Перко с оптимизмом смотрит на перспективы религиозного возрождения в СССР, где и официальные власти начинают видеть в религии одно из необходимых человеческих измерений.

Историк русской литературы Александр Сказа (университет в Любляне) в статье «Тысячелетие крещения Руси и некоторые дилеммы русской культуры» стремится в юбилейном многоголосье рас-

слышать прежде всего критические и скептические голоса. Слова солидарен с теми, кто говорит о необходимости вернуть народу историческую память и в том числе — заново написать историю русской церкви; кто указывает на белые пятна и темы-табу церковной историографии. Таковы, в частности, вопросы об альтернативах христианизации Руси, о распространении христианства и характере его сосуществования с язычеством, о взаимоотношениях церкви и государственной власти. Историю христианизации Руси не понять без внешних сопоставлений с историей взаимоотношений церкви и Хлодвига, Карла Великого, венгерского короля Стефана I. Неизбежна односторонность истории, написанной с «московских позиций»: отсюда не видна вся правда об объектах или жертвах московской экспансии — Новгородской республике, Твери, Рязани.

Развивая мысли Д. С. Лихачева об определяющем влиянии на русскую культуру христианской эстетики (с чем связан синкретизм искусства и мировоззрения), Сказа видит в этом синтезе не только предпосылку духовного богатства русского искусства, но и отрицательный аспект: «Культура, в которой литература, вследствие явно выраженного синкретизма функций, играет доминирующую роль, — это культура общества, которое еще не достигло действительной цивилизованности и демократии» (с. 20). В таком обществе свобода личности и духовность приносятся в жертву государству, считает Сказа. В этой логике он не одинок: сейчас многие — от ерничающего Вяч. Пьецуха до публициста, обвинившего Толстого и Достоевского в воспитании революционеров, — упрекают русскую классическую литературу в чрезмерной гражданственности. Однако послышки и следствия в такой логике не связаны необходимо: достаточно принять во внимание, например, традицию европейского философского романа, в том числе в XX в. — французский экзистенциальный роман, чтобы не считать большевизм плодом мировоззренчески озабоченного искусства.

Интересны, далее, мысли Сказы о тех трудностях, которые переживает современное русское православие: защищая традиционные ценности, церковь противостоит современной культуре; обращаясь к душе человека, она наталкивается на религиозно-образовательную неподготовленность среднего советского гражданина к восприятию духовного богатства христианства. Основную коллизию автор видит в компромиссе церкви с государственной властью, а подлинный, хотя и трудный выход — в действительном отделении церкви от государства.

В статье «Значение христианства в истории русского народа» Станко Янежич (теологический факультет в Мариборе) показывает основные направления культурного подъема Руси, вызванного принятием христианства. В последующем разделении христианских конфессий в России, в религиозных исканиях русских философов автор видит естественное раз-

витие христианства. Как и белградский теолог Ф. Пирко, Янежич считает, что «нечто месснианское в большей или меньшей мере есть у всех русских, даже если они исповедуют коммунизм и безверие» (с. 29).

В статье Янеза Першича (философский факультет в Любляне) «Решение князя Владимира» обсуждаются мотивы, по которым христианство в византийской редакции в Киеве предпочли исламу волжских болгар (первая монохристическая миссия в языческую Русь), западному христианству немецких епископов и иудаизму хазар. Внимание автора привлекают не столько геополитические и дипломатические факторы, сколько мотивы религиозно-нравственные и житейско-бытовые. Отличительной чертой русского христианства автор считает его эсхатологичность, понимаемую как вера в апокалиптическое освобождение и победу. Статья Першича любопытна также некоторыми этническими характеристиками князя Владимира: этих подробностей не найти у С. Соловьева и Ключевского или даже в злопыхательской по отношению к своему предмету «Истории русской церкви» Никольского.

Антон Штрукель (теологический факультет в Любляне) в статье «Источники и черты русской духовности» признает глубоко самобытную тысячелетнюю традицию христианской духовности в России; в ее вселенской и эсхатологической устремленности в сочетании с «духовностью сердца» и убеждением в необходимости «пострадать» он видит корни русского месснианства. Для полноты картины Штрукель называет и «три опасности», которыми чревата русская духовность: это склонность превращать навязанные извне рационалистические концепции в идеологии, нередко порочные; тяга к свободе духа без свободы в Духе (говоря словами Бердяева); атеизм как общий соблазн всех народов.

В статье Александры Дерганц (университет в Любляне) «Крещение Руси и история русского литературного языка» показано, что языковые аспекты христианизации определили социальную историю русского языка и основные черты его нормативно-стилистического уклада. Вслед за Б. А. Успенским автор рассматривает язык крещения славян (старославянский, или церковнославянский) как средство византизации культуры Киевской Руси. Особенно близка автору мысль М. М. Бахтина о том, что именно чужие языки способны стать средством переноса принципиально новых духовных и цивилизующих ценностей.

Влияние церковнославянского языка на литературный русский общепризнано, однако характер взаимодействия языков трактуется по-разному. Сопоставляя различные концепции этого взаимодействия, Дерганц подробно анализирует теорию диглоссии, характеризуя ее как культурологическую и оценивая ее как наиболее сильную в объяснительном отношении. Применительно к истории русского языка теория диглоссии была предложена в 1963 г. А. В. Исаченко и далее раз-

работана Б. А. Успенским. Для диглоссии как особого двуязычия характерно функциональное распределение языков (в данном случае — церковнославянского и народного: церковнославянский был языком церкви и образования, народный — обиходного общения и некоторых жанров светской письменности, прежде всего деловой); с ограниченностью функций церковнославянского языка связан искусственный характер овладения его нормами, с авторитетом церкви и школы — его престиж. Дерганц разделяет точку зрения, согласно которой в диглоссии заключается основное содержание языковых ситуаций в восточнославянских землях в Средние века — в Киевской Руси, позже в Великом княжестве Литовском (до середины XVII в.) и Московской Руси (до начала Петровских реформ).

В напечатанной по-русски статье Герхарда Невекловского (университет в Клагенфурте, Австрия) «Церковнославянские и русские элементы в языке протопопа Аввакума» представлены результаты компьютерного анализа Второго пустозерского сборника (1675 г.) с точки зрения частотности церковнославянских и русских языковых фактов (в акцентуации, морфологии, отчасти лексике). Выявлено контекстуально обусловленное чередование церковнославянских и народных элементов — процесс, который приводил к постепенному разрушению диглоссии в Московской Руси.

Франц Якопин (Словенская академия наук и искусства) в статье «Наиболее частые русские фамилии и восточное христианство» исследует отражение христианизации в антропонимике (одной из областей специальных интересов автора). Почему из 100 самых частых русских фамилий 68 восходят к христианским именам (в словенском, например, таких фамилий только 26), далеко опережая по употребительности фамилии, производные от кличек, топонимов и названий профессий? В объяснении Якопина приняты во внимание, во-первых, сильная патронимистическая традиция у восточных славян, которая поставила в центр процессов образования фамилий имя отца, и, во-вторых, относительно позднее становление фонда русских фамилий (если в Западной и Средней Европе обязательность фамилий включается в законодательства начиная с XVI—XVIII вв., на востоке Европы — со 2-ой половины XIX в.). Таким образом, христианизированный облик русских фамилий предстает как результат взаимодействия разнородных и разновременных культурно-исторических факторов.

В статье Мирко Ютершека (философский факультет в Любляне) «Византизм в русском церковном искусстве» дан сжатый очерк русского церковного изобразительного искусства и культурной архитектуры как история принятия и трансформации византийского начала. Вопреки поверхностности традиции отождествлять русское церковное искусство с христианским искусством Древней Руси, автор существенно расширяет хронологи-

ческие рамки явления, трактуя византизм как известные черты русского искусства на всем протяжении его христианской истории — начиная от первых киевских храмов, фресок, мозаик, иллюминированных рукописей до полотен Александра Иванова, Николая Ге и нововизантийской архитектуры начала XX в. По мысли Ютершека, византийское начало в культуре славян было настолько сильным, что резонно говорить не о русском, болгарском или далматинском византийском искусстве, но о византийском искусстве на Руси, в Болгарии, Далмации. По-видимому, для X—XI вв. это во многом верно (ср. близкую по сути трактовку византийского Возрождения Д. С. Лихачевым, который писал в 1973 г. не просто о влиянии, но о трансплантации византийской литературы на русскую почву), однако в дальнейшем нарастала дифференциация культур, и это убедительно показано в работе Ютершека. Уже в Остромировом евангелии (1056—57 гг.), в миниатюрах евангелистов, византийская пластичность сменяется более плоскостным изображением; в орнаментации книг усиливаются декоративные элементы. Расхождение византийской и древнерусской архитектуры начинается с появления башенных церквей (один из ярких примеров — полоцкий собор Спасо-Ефросиньевского монастыря 1128—1258 гг.); в XII в. зарождается владимирско-суздальская школа иконописи, т. е. идет преобразование «византизма» в мощную византийско-русскую стилистическую традицию, значимую для всей истории отечественного искусства.

Такова проблематика этой интересной книги. Однако рассказать о ней меня побудило не только ее позитивное содержание, но и сам факт такого отклика на 1000-летие крещения Руси. Причем дело именно в том, что для Словении конференция, книга, выставка в честь события и своей и — что особенно важно — чужой истории, события и аналогичного, и меньшего ранга — обычны. Это постоянная атмосфера Словении, проявление общего высокого уровня ее культуры. Поэтому полная экономическая и политическая самостоятельность Словении представляется предельно реальной. Одно из оснований этой уверенности — полнота культурной жизни, чуждой национальной замкнутости. Словения занимает первое место в Югославии по количеству книг, газет и журналов на душу населения (с учетом разнообразия изданий и тиражей). Население Словении меньше 2 миллионов человек, но собственные корреспонденты люблянского ежедневника «*Delo*» широко аккредитованы в столицах мира. Пятитомный толковый словарь словенского языка — один из лучших в современной Славии, по качеству лексикографии сопоставимый только с чешским словарем. Наиболее авторитетный филологический журнал Словении отнюдь не ограничен словенстикой — это «*Slavistična revija*», («Славистическое обозрение»). Издается «Вестник общества иностранных языков». Подобных фактов много.

Говорят, на Украине сейчас думают об открытии своего института востоковедения. Возможно, это будет еще не скоро, но сами планы такого рода — показатель движения к суверенитету, потому что реальная независимость нуждается в разнообразном информационно-исследовательском обеспечении не менее, чем в армии или министерстве внешних сношений. Культура суверенного народа естественно включает в себя традиции народоведения, стремление понять разные времена и страны. Любянский сборник «К тысячелетию крещения Руси» — одно из свидетельств зрелости и широты этнологических традиций в Словенни.

Н. Б. Мечковская.

Barszczewski Aleksander. Białoruska obrzędowość i folklor wschodniej Białostoczczyzny. Białystok, 1990.

Абрадавай і вуснапаэтычная спадчына беларусаў — жыхароў Беласточчыны — не раз прыцягвала ўвагу польскіх і беларускіх народазнаўцаў. Адна з грунтоўных у гэтым накірунку — кніга прафесара А. Баршчэўскага «Беларуская абраднасць і фальклор усходняй Беласточчыны (нарадженне, вяселле, смерць)», выдадзеная ў Беластоку на польскай мове (песенныя тэксты друкуюцца лацінкай па-беларуску). Своечасовасць з'яўлення такой работы прадвызначае тое складанае становішча, у якім апынуліся беларуская абраднасць і фальклор: перад рэальнай пагрозай знікнення разам з адыходам старэйшага пакалення — фактычна адзінага сённяшняга носьбіта традыцыйных форм народнай культуры.

Кніга А. Баршчэўскага на папулярным узроўні знаёміць чытачоў з той часткай заходнебеларускага фальклора-абрадавага комплексу, якая суправаджае тры галоўныя падзеі ў асабістым жыцці чалавека. У адпаведнасці з пlynню чалавечага існавання знаходзіцца і кампазіцыя кнігі, якая складаецца з трох асноўных раздзелаў: «Радзінна-хрэсцініны абрады», «Ва ўлонні вясельнай абраднасці», «Абрады, звязаныя са смерцю і пахаваннем». Кожны з раздзелаў у сваю чаргу мае даволі лагічную ўнутраную арганізацыю: у главах, прысвечаных прыходу на свет і адыходу чалавека з яго, аўтар адштурхоўваецца ад абрадаў і звычайў, што непасрэдна папярэднічаюць галоўнай падзеі, спыняецца на апошняй і ад гэтага кульмінацыйнага моманту пераходзіць да апісання тых рытуалаў, якія нараджэнне або смерць непазбежна выклікаюць за сабой; апавяданне аб вясельнай абраднасці пабудавана па асноўных этапах гэтага цырыманіяла.

Радзінны, вясельны і пахавальны фальклора-абрадавыя комплексы ўсходняй Беласточчыны пададзены ў кнізе як складаныя, але арганічныя сістэмы. У апісанне абрадаў як абавязковы іх элемент уключаны тэксты сямейна-абрада-

вых песень і галашэнняў, вусных прамоў, славесных формул, прыказак, прымавак, замоў. Акрамя таго, аўтар знаёміць чытача з абрадавай атрыбутыкай, элементамі адзення. Карціна народных звычайў лаўстае ў кнізе як бы знутры. Такое ўражанне дасягаецца дзякуючы таму, што работа А. Баршчэўскага дакументалізавана. І ў гэтым, несумненна, яе вартасць. Аўтар з густам, у меру ўводзіць у агульную канву кнігі ўспаміны, меркаванні жыхароў усходняй Беласточчыны, што надае публікацыі лэўнасць і пераканаўчасць. Гэтаму спрыяюць і ўласныя ўспаміны самога даследчыка — ураджэнца беластоцкага краю. Арганічна ўваходзіць у кантэкст апавядання і інфармацыя сацыялагічнага плану, як, напрыклад, аб адносінах сялян да полу будучага дзіця ці развагі аб замагільным жыцці і існаванні душы. У кнізе зафіксаваны і змены, якія адбываліся ў фальклора-абрадавай сістэме прыкладна ад пачатку XX ст. да нашых дзён.

Апісаны ў кнізе фальклора-этнаграфічны комплекс падаецца аўтарам без адрыву ад агульнабеларускага кантэксту, як з'ява, у якой арганічна спалучыліся рэгіянальнае і агульнанацыянальнае. Апавяданне пра ўсходнебеластоцкія звычаі і рытуалы часта дапаўняецца для параўнання апісаннімі з іншых мясцовасцей Беларусі і Польшчы. Апошняе — і як прыклад узаемаўплываў паміж культурамі суседніх народаў, як свярджэнне іх генетычнай блізкасці. Аўтар часта і да месца звяртаецца да сведчанняў вядомых польскіх і беларускіх даследчыкаў: Доўнар-Запольскага, Карскага, Глогера і іншых. Не пазбягае прафесар Баршчэўскі ў некаторых момантах і ўласнага каментарыя. Прычым робіць гэта дастаткова асцярожна.

Аднак работа А. Баршчэўскага не пазбаўлена і некаторых недакладнасцей. Так пасля расказу пра пасад маладой аўтар гаворыць пра звычай, «калі малады перад шлюбам прыбывае да дому маладой і бярэ разам з ёй удзел у пасадзе...» (С. 95). На жаль, гэтае выказванне не суправаджаецца ніякім каментарыем. Аднак абедзве названыя цырымоніі: пасад маладой у яе доме перад шлюбам і сумесны пасад маладых — хоць і аб'яднаны адной назвай, па сутнасці, рытуалы, адрозныя як па прызначэнні, так і па сэнсу: першы ўзыходзіць да абрадаў ініцыяцыйнага характару, другі мае значэнне злучэння маладых. Думаецца, што агаворка аб такой дыферэнцыяцыі была б карыснай.

Далей, расказваючы пра вясельную бяседу, А. Баршчэўскі сярод традыцыйных абрадавых змяшчае і тэксты пазаабрадавых песень на сямейную тэматыку: «Выйсці замуж, трэба знаці...», «Цвіце, цвіце чарэшанька...» Гэтыя песні сапраўды папулярныя, спяваліся і спяваюцца падчас вясельнага застолля. Аднак адсутнасць размежавання паміж абрадавымі песнямі — ядром вясельнага песеннага рэпертуара і песнямі неабрадавага характару, якія не ўзніклі разам з абрадавым дзеяннем, а з цягам часу былі прымеркаваны да яго, відаць, недапушчаль-